

Леонид Коваль

Юрмала, Латвия

ВСТРЕЧИ С АРКАДИЕМ РАЙКИНЫМ

Власть превращает умного в глупца.

Народная мудрость

Аркадий Райкин...¹ Уходят годы, десятилетия, уйдут столетия, но имя этого человека люди будут произносить с трепетным чувством восхищения. Искусство требует от человека высоты духа, чистоты души и отваги сердца. Профессия актера — популярнейшая, но редкий актер может отнестись к себе самому, как бы глядя на себя со стороны, со стороны зрителя, не массового, а, быть может, того единственного, перед которым чувствует себя как ученик перед учителем. Как утверждал мулрец, ни один льстец не льстит себе так искусно, как себялюбие.

Аркадий Исаакович — явление уникальное и неповторимое. И когда смотришь и слушаешь нынешних юмористов, рождается ощущение, что ты попал в начальную школу, где дети резвятся в ожидании учителя... А учитель — такая редкость!

Мне выпала честь быть в добрых отношениях с Аркадием Исааковичем, его женою Руфью Марковной², дочерью Катей... С сыном Костей встречался реже, один-два раза, и то мельком.

А все началось во вторник, 7 июня 1983 г. в Майори. Идя по пляжу со своей спутницей, мы разговаривали между собой на *идише, и вдруг, у санатория «Рижское взморье» мы лицом к лицу столкнулись с Аркадием Исааковичем... Увлеченные беседой, мы со спутницей не заметили, что он некоторое время шел впереди нас, и наш идиш доходил до него. Он остановился и вдруг улыбнулся нам навстречу:

— Идиш? Язык моего детства... Не припомню, когда я его слышал последний раз, — и его глаза как-то виновато улынулись.

Мы стояли ошеломленные неожиданной встречей.

— Я и сегодня помню идиш, — продолжал Аркадий Исаакович. — Язык, скажу я вам, уникальный, полисимфонический, весь сотканный из юмора, стало быть, из доброты... Жаль, непоправимо жаль, что его обрекли на смерть... И писателей-идишистов не стало!

— Перед вами, Аркадий Исаакович, как раз и стоит такой писатель, — и моя спутница кивнула в мою сторону.

— Редкая удача, — улыбнулся он и протянул нам свои руки. — Если вы не возражаете, зайдите ко мне. Моя жена не совсем здорова, но чаем она нас напоит. И мы сумеем поговорить на идише...

Солнце заливало море потоком лучей, и оно отражало голубое безоблачное небо, лениво и ласково отпускная на берег волну за волной...

Семья Райкина обитала в 21-м номере санатория. Мы поднялись на второй этаж и вошли в апартаменты нашего гостеприимного хозяина. Небольшой холл,

диван, два кресла, журнальный столик, телефоны — красный и белый. Букет цветов в стеклянной вазе. Руфь Марковна встретила нас приветливо, как старых знакомых. Она выглядела больной, давал себя знать недавно перенесенный инсульт...

— Я привел к тебе людей, знающих идиш, а этот молодой человек, — он кивнул в мою сторону, — еще и пишет на этом славном языке... — И вдруг спросил меня:

— А что вы пишете, позвольте полюбопытствовать?

— Роман, — ответила за меня моя спутница.

— И печатают? — лукаво взглянул на нас Аркадий Исаакович.

— Когда пишешь, не думаешь о том, будет ли напечатано. Пишешь — как дышишь, — ответил я.

— Это верно, — согласился со мною Райкин. — Если не дышишь — не живешь. — И он вдруг задал вопрос, которого я не ожидал:

— Не могу ли я подышать вашим романом?

Я несколько растерянно пожал плечами. Свой роман я начал писать в шестидесятые годы. Вернее — стал собирать материалы для него. Это случилось после моего первого по окончании университета посещения родного города Бобруйска.

— Вас смущает мой вопрос? — тихо спросил Аркадий Исаакович.

— Наоборот, — вырвалось у меня, — ваше желание меня вдохновляет, но до вас никто ко мне с таким вопросом не обращался. Рукопись романа лежит в редакции журнала «Даугава»³ уже лет десять...

— И что же?.. — Райкин смотрел на меня с грустной улыбкой.

— Меняются редакторы, но не меняется отношение к рукописи. Обещают и разводят руками. Еврейский вопрос...

— Тем более мне будет интересно, — сказал Райкин. — Принесите рукопись.

Двадцатого июня, в 15.00, я должен быть у Аркадия Райкина. Был солнечный ветреный день. Ветер бросал на берег крупные волны, но чем выше летом волна, тем она теплее. Я постучался, дверь открыл сам Аркадий Исаакович. Он был в светлой рубашке, светлых брюках на подтяжках, аккуратно причесан.

— Милости прошу, — он принял цветы, — передам Роме с благодарностью. — Присядьте, угощу вас чаем и приглашу своего друга, мы с ним вдвоем читаем ваше произведение. Я сейчас ему позвоню, — он набрал номер. — У меня автор. Мы ждем. Хорошо, спасибо... Он будет минут через десять-пятнадцать. А я пока скажу вам вот что: мне понравилось то, что вы написали. Цивилизация идиш уничтожена, вы сделали шаг к ее спасению, к сохранению памяти о ней. Это была великая и смешная цивилизация. Семья моего отца, стало быть — и я, ее подданные. Я учился в Рыбинске, куда мы перебрались в 1915 г., в еврейской школе, где преподавали на иврите, но дома мы разговаривали на *маме-лошин*⁴ — идише. Удивительный язык — на нем можно смеяться и плакать одновременно, а его краски, как у радуги, — сочные, обнадеживающие. Мой папа мечтал меня видеть врачом или музыкантом и купил мне скрипочку, которую я использовал вместо санок, для катания с горок... Папа не одобрял моего выбора профессии актера...

— Тебе мало того, что ты еврей, так ты еще задумал стать клоуном, — выговаривал мне отец. — У нас в роду не было актеров. Отец редко приходил на мои концерты. Однажды он пришел и увидел сценку, в которой я изображал рыбака, входящего в холодную воду, чтобы отцепить крючки от коряги. После концерта отец пришел в мою примерную и возмущался:

— Ай, ай, ай, разве так входят в холодную воду? Я тебе покажу, как входят, — и он показал, и я понял, что в моем отце, сплавщике леса, погиб прекрасный актер...

Раздался стук в дверь, и на пороге появился статный, красивый мужчина, при бородке, загорелый, с внимательным взглядом умных глаз.

— Прошу любить и жаловать! — представил нас Аркадий Исаакович. — Мой друг Станислав Яковлевич Далецкий. Слышали, конечно?

Это имя было в то время на слуху. Врач по профессии, он выпустил несколько книг, вызвавших серьезный интерес у читателя. Константин Симонов при встрече с Далецким сказал ему:

— Дорогой Станислав Яковлевич, вы, прежде всего, писатель, а потом хирург.

Станислав Яковлевич пожал мне руку и, улыбнувшись, произнес, глядя в сторону Райкина:

— Я предполагал, что увижу убеленного сединой бородатого *ребе — таким мне показался автор заочно. Что же, тем более приятно поблагодарить вас, молодой человек, хотя голова у вас уже седеа. Вы написали нужную книгу, написали незаурядно, со знанием предмета, знанием изнутри. Что касается литературных, драматургических достоинств романа, то тут, на мой взгляд, в ряде глав требуется доработка или опытная рука редактора. Но перспектива имеется. Хотя тема, выбранная вами, требует от вас мужества и терпения...

Я пробыл в компании Райкина и Далецкого до времени ужина. Аркадий Исаакович рассказывал свои истории, я вспоминал свое детство, годы, когда Сталин ликвидировал еврейские школы, и еврейские учителя, мало знавшие русский язык, учили нас, знающих только идиш, русскому языку. Было в классах много смешного и грустного. Я вспомнил и спел песенку тех лет, чем очень развеселил моих собеседников... Вскоре ушел Далецкий, и когда мы стали прощаться с Райкиным, у меня родилась радикальная идея:

— Аркадий Исаакович, я хотел бы пригласить вас к себе на фаршированную рыбу. Вы согласны?

Он неожиданно сразу согласился:

— Мы согласуем день встречи, — добавил он. Мне надо подготовить Руфь.

16 июля, взяв такси, я заехал за Аркадием Исааковичем и Руфью Марковной. Таксист, узнав, что его пассажиром станет знаменитый артист, посмотрел на меня, как диссидент на резидента.

— Так вы оттуда, — он мотнул головой, словно его неожиданно укололи острым предметом. — Небось в сумке и пистолетик имеется...

— Имеется, — сказал я и вынул из кармана авторучку.

Когда я постучался в номер, Райкины уже были готовы. Руфь была одета скромно — поверх светло-коричневого платья была накинута шерстяная кофта. Аркадий Исаакович же был одет с иголочки: светлые брюки, белый в клеточку пиджак, изысканный темный в крапинку галстук на голубой сорочке, платочек в нагрудном кармане... Увидев Райкина, я почувствовал, что он чем-то расстроен, но старается скрыть свое состояние.

— Что-нибудь случилось? — спросил я, когда машина тронулась с места.

— У нас есть такой слой деятелей, которые создают проблемы на ровном месте, а преодолевать их поручают тому, кто под руку попадется... Вот я и попался под руку... Была договоренность, что я останусь еще на один срок... А вчера

отказали... Мы к врачам своим привыкли, они — к нам... Руфи тяжело переезжать...

У меня не было слов... И тут я услышал тихий голос Руфи Марковны:

— Родной мой, пока есть дураки, будут проблемы не только у них, если учесть, что у власти, как правило, не мудрецы, увы. Справимся, мой дорогой.

Аркадий Исаакович нежно погладил ее руку, улыбнулся:

— Переживем...

Прав мудрец, сказавший, что тот, кого разлюбили, обычно сам виноват, что вовремя этого не заметил.

Дома все было готово к приему гостей. Украшением стола стал... внушительных размеров круголовый сом. И когда, познакомив Райкиных с Машей и Белочкой, я пригласил гостей за стол, то поведал историю этой рыбины, которая, быть может, первой среди своих соплеменников удостоилась фаршировки. А история была такая. Приближался день нашей встречи, и тут оказалось, что во всей Риге и ее окрестностях невозможно купить, достать, добыть рыбу. Не только свежую. В рыбных магазинах и на рынке продавали всё, кроме рыбы. Отчаяние овладело мною, и я вдруг вспомнил, что в Риге есть рыбный ресторан — на углу улиц Суворова и Энгельса⁵. Я немедленно помчался туда и обратился к повару с вопросом-предложением:

— У вас есть рыба? Я хочу купить целую рыбу и готов оплатить все расходы по ее приготовлению, но готовить буду ее сам.

— Не положено, — сухо ответил белокрылый кок.

Я повторил свое предложение и снова услышал сакраментальное:

— Не положено. — Но на сей раз с довеском: — По инструкции...

Мое отчаяние взяло верх над нетерпением, и я в третий раз, уже на высоких тонах стал объяснять свою просьбу. И в это время небеса опустили на пол женщину, оказавшуюся администратором ресторана.

— В чем дело, гражданин? Будем скандалить или объяснимся мирно? — строго спросила она у меня, как спрашивает следователь у подсудимого.

— Мирно, мирно, — подхватил я эту спасительную мысль. — Видите ли, я жду высокого гостя, обещал фаршированную рыбу, а ее нигде нет...

— Высокого гостя? — она повторила мои слова и вдруг продолжила: — Знаем мы этих высоких гостей! Вот если бы к вам пришел Аркадий Райкин, я бы немедленно выполнила вашу просьбу в нарушение всех инструкций.

— Так-таки он, Аркадий Исаакович Райкин, и должен придти! — выпалил я радостно.

Аркадий Райкин в гостях у автора статьи. Рядом с ним писатель Григорий Канович с супругой. 1983 г.

— Чего же вы тут полчаса стоите и мямлите, а не выскажетесь по существу, — улыбнулась она и достала из холодильника заветный замороженный экземпляр сома, который по всем канонам кулинарии подходит для фарширования, как селедка — для закуски после рюмки коньяка. Но выбора не было, и сейчас же обработанный и любовно ухоженный головастик имел вполне съедобный вид, хотя несколько отличался от традиционных карпа и щуки — королей лакомого блюда.

История вызвала улыбки на лицах моих гостей. Аркадий Исаакович отведал рыбы и, похвалив ее, погладил по головке Машину доченьку и заговорил о своих детях.

— Катеньке нашей было четыре года, когда мы стали с ней разыгрывать дома разные сценки. Она появлялась в комнате и спрашивала:

— Вам нужны артисты?

Я отвечал:

— Мне нужна актриса-старуха.

Катя уходила и возвращалась неузнаваемой:

— Тут у вас была моя соседка и сказала, что вам нужна старуха, я не подойду вам?

— А что у тебя, старуха, на лбу?

— Это я молилась и лоб разбила...

— А наш Костя в девять лет сборник стихов издал, — вставила свое слово Руфь Марковна.

— Да, да, — подхватил Аркадий Исаакович. — Сборник назывался «Ранний восход», там был стих про черную пантеру. Она жаловалась, что ночь темна, а ей говорят: ты сама — темнота. Стихи были про оленя. Он отбил от стаи, которую угоняли в рабство. Он предпочел свободу и одиночество. Костя очень любит животных и мечтал стать биологом. В артисты пришел случайно...

За столом наступила пауза. Аркадий Исаакович о чем-то пошептался с женой. Очевидно, получив ее благословение, он вдруг сказал:

— Мариэтта Шагинян поделилась со мной тайной семьи Ульяновых, происхождением Ленина... Она работает над его биографией.

И вот какую сенсацию мы тогда слышали...

Граф Апраксин и сенатор Баранов, как и другие вельможи того времени, предпочитали хранить свои сбережения в провинциальных банках. В небольшом украинском городе был банк Бланков. У хозяина банка вырастали два сына — Израиль и Авель. По совету своих высокопоставленных клиентов юноши переехали в Петербург, приняли обряд крещения и стали студентами местного университета. Израиль вскоре умер, а Авель, ставший Александром, окончил университет и уехал в Швецию, где женился на шведке, и у них родилась дочь Мария, ставшая впоследствии матерью Ленина... Для времени, о котором идет речь, эта новость, поведенная Аркадием Райкиным, была равносильна проникновению в самый тайный кремлевский сейф, где схоронено было немало тайн и исторической правды, от которых комвожди всегда шарахались, как черт от ладана.

В августе, шестого числа, я навестил Райкиных в санатории «Рижский залив». Настроение у Аркадия Исааковича было подавленное. Он тосковал по привычному окружению «Рижского взморья». Я застал в его номере дочь Райкиных — Катю. С первого взгляда эта женщина привлекала к себе какой-то мягкой

теплотой, я бы сказал — нежностью, которая исходила от ее взгляда, улыбки, речи... Мы потом несколько раз встречались с Катей, прогуливались по пляжу, купались в море... Я по сей день сохранил самые теплые воспоминания о тех августовских днях 83-го года и постоянно следил за прессой, рассказывавшей об этой славной и неповторимой семье, освещенной любовью и гением ее главы — Аркадия Исааковича Райкина.

Я закончил эти записи о встрече с Райкиным 24 октября 2004 г. Включая телевизор: сегодня день рождения Аркадия Исааковича, ему исполнилось бы 93. Случайное совпадение?

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Интервью журналиста Вадима Сметанникова с Аркадием Райкиным, 1981 г.

Лет десять назад я беседовал с Мариэттой Шагинян. Речь шла о хороших людях, знакомых писательнице. Мариэтта Сергеевна воскликнула: «Мне повезло в этом отношении. Я знаю уникального человека, родившегося в Риге, — актера с мировым именем, принесшего огромную радость людям и огромную пользу нашей Родине. Это Аркадий Исаакович Райкин».

Имя этого сатирика не нуждается в комментариях. На спектакли Ленинградского театра миниатюр, который он основал и которым бессменно руководит уже 42 года, всегда аншлаг. Когда он выступает по телевидению, перед экраном собираются все — и стар, и млад.

«Думаю, не стоит объяснять, что такое сатира и какая высокая миссия на нее возложена. Это знает каждый. Всем известно, кто такие были Сервантес и Свифт, Гоголь и Салтыков-Щедрин, Зошенко и Ильф с Петровым... Все они делали благое дело — боролись с недостатками современного человеческого бытия». Так считает Райкин. О нем, народном артисте СССР, принято говорить, что это человек с тысячей лиц, — лиц жуликов, бюрократов, взяточников, казнокрадов, подлецов, подхалимов... Фигурируют они, разумеется, и в последней постановке «Его величество — Театр», ее недавно первыми увидели москвичи.

— Думаю, что из года в год держится одно главное лицо — это лицо сатирика, мое собственное, — сказал Аркадий Исаакович. — Оно неизменно присутствует под любой маской. Важно, чтобы оно не менялось, чтобы сатирик всегда отстаивал свою постоянную точку зрения. Это твердое убеждение я пронес через всю свою жизнь.

— *Итак, Вы родились в Риге в 1911 году...*

— ...И прожил на улице Дзирнаву в доме под номером 16 всего пять лет. Но детские впечатления хранятся долго. Помню, как водили меня на Эспланаду слушать духовой оркестр. Помню первую поездку на трамвае...

Мой отец по специальности был лесным бракером, знатоком ценных пород деревьев. Он много ездил по России. И привозил массу всяческих историй. Память у него была отличная. Бывало, по вечерам за столом собиралась вся семья. Начиналась игра: называли любой предмет, а отец рассказывал забавную историю, где тот предмет играл главную роль.

Отец хотел видеть меня врачом, юристом или инженером — представителем почтенной, солидной, с его точки зрения, профессии. С тем, что сын выбрал сцену, он смирился лишь много лет спустя, когда я уже обрел известность. А мои дети пошли по моей стезе. Правда, по-разному это получилось. Екатерина еще в 12 лет от роду играла на сцене Московского театра им. Евг. Вахтангова Козетту в «Отверженных», там и работает по сей день. А Константин мечтал стать биологом. Путь актера выбрал, как говорится, в последний момент. Видимо, все-таки сыграли свою роль (Аркадий Исаакович смеется) гены. До недавнего времени он был артистом театра «Современник», а сейчас переходит в театр миниатюр. Значит, вместе будем бороться против человеческих пороков.

— *Какой из пороков вызывает у Вас наибольшую неприязнь?*

— Я не стал бы отдавать предпочтение одному, уверяя, что он самый страшный. Надо бороться со всеми проявлениями ханжества, лицемерия, красноречия, жестокости и т.д. В повседневной жизни я больше всего ненавижу воинствующее невежество.

Возьмем, например, бюрократов. Пути их неисповедимы. Вот эпизод из собственной житейской практики. Прихожу в приемную Н-ского учреждения. Секретарша видит меня, прерывает телефонный разговор: «Здравствуйте, Аркадий Исаакович! Садитесь, пожалуйста. Вот вам журнал, почитайте. Сейчас Иван Иванович вас примет». Но я же вижу, как она не обращает внимания на только что вошедшую старушку. Она ее просто не замечает, не здоровается с ней, не предлагает сесть...

Когда театр гастролировал в Лондоне, в газете «Таймс» писали: «Вы называли своих бюрократов русскими именами. А вы думаете, мы не понимаем, что это — про нас? Истинный бюрократ прописан в Лондоне». Очень часто в разных странах думают, что наши миниатюры — про них. У бюрократа нет родины.

— Немало слов и выражений, прозвучавших из уст ваших «героев», перешло в повседневную речь, стало крылатыми. Так с давних пор прижилась «авоська». Как родилось это слово?

— Еще до войны. Изображая мещанина-обывателя, я вынимал из кармана хозяйственную сетку и говорил, поглаживая ее: «Авось-ка что-нибудь достану». В той сцене шла речь о ненужных запасах, рожденных слухами: дескать, не будет мыла (или соли, или сахара, или еще чего-то — такая «торговая» паника возникает и поныне). Слово «авоська» потеряло черточку и привилось. Почему? Право же, мне трудно объяснить.

Кстати, в разных странах остаются разные выражения из разных наших миниатюр. Например, «кое-что есть» по-венгерски звучит «валами ван». Это выражение скептика, под маской которого я рассуждаю о погоде: «Вот раньше были наводнения — все под водой, все ржавеет, всё гниет. Конечно, сейчас тоже кое-что есть, но все это не то, не то». Неожиданно эти слова так прижились в Венгрии, что на самом большом универмаге в Будапеште под Новый год водрузили рекламу: «Заходите к нам, у нас валами ван» А в газете «Непсабадшаг» [«Народная свобода»] появился раздел «Валами ван» — кое-что есть, о чем поговорить.

Фразы из наших спектаклей остались поговорками в Англии, Румынии. Такое актер не планирует. Это происходит само собой, естественным образом.

— Ваш театр с неизменным успехом выступал в Англии, Югославии, Польше и многих других странах. Как вы преодолеваете языковой барьер?

— Стараемся играть на том языке, на котором говорит страна. Наш театр надо понимать точно, дословно. Мы долго готовимся к таким гастролям — полгода, год. В зависимости от сложности языка.

— Ленинградский театр миниатюр открылся в 1939 году. Кто авторы миниатюр?

— Всех и не назовешь. Ими были в свое время Михаил Зощенко и Лев Славин, Борис Ласкин и Леонид Ленч, Виктор Ардов... Песни для нас писал Михаил Светлов. Драматургическую школу нашего театра проходили студенты, научные работники, различные специалисты, для которых литературная деятельность была лишь хобби. Инженерами начинали писать Михаил Гиндин, Генрих Рябкин, Ким Рыжов.

— Что в первую очередь требуется от сатирика — будь он драматург, прозаик, поэт или артист?

— Главное — кроме недостатков, он должен уметь видеть прекрасное. Иначе во имя чего он будет бороться с недостатками? Вероятно, сатирик — одна из самых гуманных профессий. Ведь речь идет о человеческой доброте, за которую он сражается. Смех — его верное, испытанное оружие. Но лишь смешить недостаточно. Задача — заставить человека думать. Над тем, что он увидел на сцене. И как нужно жить, чтобы одно за другим исчезли мои 1000 лиц.

«Советская Латвия», 31 августа 1981 г.

2. «Папу не раз пытались увести из семьи».

Интервью Екатерины Райкиной газете «Собеседник», 2002 г.

Трехлетнюю дочь отдали чужой тетке

Когда актриса вспоминает родителей, в ее голосе слышатся ноты обожания и восхищения. Хотя у вечно заброшенного ребенка из актерской семьи были веские поводы для обид, а в ряд счастливых детских впечатлений затесались и трагические.

— Когда началась война, мне было три года. Вместе с детским садом меня отправили под Ярославль в эвакуацию. Там я так серьезно заболела, что телеграммой вызвали родителей. Как только они выехали из Ленинграда, началась блокада. Я их тогда спасла. Родители ведь могли умереть, как мой дедушка.

Потом родители отдали трехлетнюю Катю совершенно чужим людям — артистам Аркадию и Руфи Райкиным срочно нужно было ехать с гастрольями на фронт. Поэтому когда случайная женщина из Ташкента предложила супругам позаботиться о девочке, те сразу согласились. «У нас тепло, фрукты, вашу дочку я прокормлю!» — клялась незнакомка. Но на деле все оказалось не так. Катю почти не кормили. Моя собеседница до сих пор помнит, как собирала гнилые арбузные корки в грязном арыке. От смерти девочку спасла бабушка, которая приехала за ней в Ташкент.

— Она видела, что я истощена и больна, но боялась говорить с этими страшными людьми. Это была воинствующая антисемитская семья, которая ждала немцев — хозяйка прятала в подвале двух сыновей-дезертиров. Им нужна была я, потому что родители присылали пайки, деньги: таким образом они надеялись выжить.

Когда тетя девочки позже спросила у Руфи Марковны: «Как ты могла отдать ребенка первой встречной?», — та ответила: «Дочка у меня могла быть еще, а Аркадия я потеряла бы навсегда».

— Не вините свою маму за эти слова?

— Нет. Я понимаю, что родители тогда были молоды и очень любили друг друга. Это последний раз говорит о том, как мама обожала отца. Всю жизнь. Они прожили вместе больше пятидесяти лет. В 1975-м с мамой случился инсульт...

Горький ташкентский опыт пригодился дочери Райкина. В 12 лет она впервые вышла на сцену Театра Вахтангова. По странному стечению обстоятельств ей досталась роль несчастной, затравленной четой злых трактирщиков Козетты из «Отверженных» Виктора Гюго. Пока шел спектакль, юная актриса заново переживала ужасы эвакуации.

Внук Райкина занялся недвижимостью

Екатерина Аркадьевна трижды побывала замужем. Все три мужа — Михаил Державин, Юрий Яковлев и Владимир Коваль — известные актеры.

— Как Аркадий Исаакович относился к зятям?

— Папа очень любил Мишу. Хорошо относился и к Юре, но очень страдал из-за того, что он выпивает. Папа ведь совсем не пил, не курил. Его очень ограничивала болезнь — он был сердечником с юности. Но, кроме того, понимал, что алкоголь разрушает личность и вредит профессии.

— Когда ваши мужья знакомились с вами, они знали, что вы — дочь Райкина?

— Конечно. Миша Державин, с которым мы поженились на третьем курсе училища, знал. Потом я пришла в театр, безумно полюбила Юрия Васильевича Яковлева, несмотря на то, что между нами было десять лет разницы, а он был женат.

— Говорили, что его жена Кира Мачульская и вы одновременно ждали ребенка от Яковлева...

— Когда я это узнала, сказала Яковлеву, что между нами все кончено. Потому что у Киры будет долгожданный ребенок. Он меня долго убеждал, что это не его ребенок. Ушел от нее. Я поверила в то, что он не бросает жену, а ухаживает за ней, потому что любит. И мы пошли в загс. Но когда у Киры родилась Алена и я увидела ее фотографию, то поняла, что это его дочь. Она уже тогда была очень похожа на Яковлева.

— Юрий Васильевич принимал участие в воспитании вашего общего сына?

— Мы расстались, когда Алеше было три года.

Внук Аркадия Райкина сначала продолжил династию: играл в театрах Ермоловой и «Чет-нечет». Но 12 лет назад оставил сцену и занялся недвижимостью.

— До 17 лет сын называл меня мамой, а потом вдруг стал обращаться по имени. Потом я узнала, что одна из моих приятельниц ему сказала: «Почему ты «мамкаешь»? Большой, взрослый. У тебя такая красивая, молодая мама». Глупость такая. Причем это сказала женщина без детей, которая не понимала, как приятно слышать слово «мама» от сына.

«Свои увлечения отец скрывал неумело»

— Вы унаследовали какие-нибудь отцовские черты характера?

— Кое-что узнаю. А в Косте (актер и режиссер Константин Райкин. — *Ред.*) нахожу очень много маминых черт — вспыльчивость, откровенность и открытость по принципу «сначала говорю, потом думаю».

— А когда вы говорили, что дочь Райкина, как люди реагировали?

— Слов «я — дочь Райкина» никогда не произносила. Папа как-то был болен и попросил меня забрать заказ в «Диете» на улице Горького ко дню рождения. «Что же, я должна сказать, что я дочь Райкина?» — удивилась я. «Скажи, что моя дочка». Я говорю: «Никогда! У меня язык не повернется это сказать». — «Ну что здесь такого? Это же правда!» Но все же папа меня понял. В конце концов, кто-то из домочадцев забрал этот заказ.

— Люди не пытались вас использовать, чтобы подобраться к отцу?

— Это было. Одна женщина, которая имела виды на папу и очень хотела войти в семью — мама тогда была больна, — настойчиво стала меня обхаживать. Я думала: «Ну почему люди считают, что я такая идиотка, что ничего не понимаю?» Вначале принимала все за чистую монету, потом мне стало неприятно, потом подозрительно, а потом поняла, что ей надо... И тогда по телефону я высказала этой даме все, что о ней думала, — мои мужики держали меня за руки в это время. А на том конце провода эта женщина повторяла, как заведенная: «Катенька, Катенька, Катенька...» Это продолжалось минут двадцать. И после этого все моментально прекратилось.

— И часто Аркадий Исаакович увлекался?

— Я говорила с папой дважды «за жизнь», когда у него были отклонения от семьи, когда его уводили. И он меня слушал очень внимательно. Папа был не только талантливым актером, но и очень обаятельным мужчиной. Ему приходилось трудно, когда на нем пытались повиснуть. О его увлечениях я узнавала случайно, хотя он и не особенно умело их скрывал. Мама страдала. И наверняка говорила с ним на эту тему. Но когда о чем-то просит обожаемая дочь — а он меня обожал, я это всегда чувствовала — это совсем другое дело. Я говорила: «Папа, тебя так любят, тебе верят. С тебя берут пример. Ты не должен разочаровывать публику, ради которой живешь». И это действовало... Маму он любил и уважал. Мужчины есть мужчины. Они полигамны по своей природе. Если б он хотел, то ушел бы.

Жертвы, принесенные сцене, не сделали Екатерину Райкину знаменитой, как брата Константина. На сцену театра Вахтангова она не выходит уже семь лет. Но никого не винит, а причину ищет в своем характере:

— Я никогда не умела бороться. Отдавала свои роли. Все надо мной смеялись, показывали на меня пальцем: «Доиграешься, и вообще ничего не будешь иметь!» Доигралась — про меня забыли...

Сейчас Екатерина Райкина грустит о том, что не успела многого спросить у родителей, не смогла поддержать за руку своего умирающего отца:

— Папа был очень ослаблен болезнью Паркинсона. Последние два-три года его лицо напоминало маску — я не могла на него смотреть без слез. И все равно он выступал, работал. Помню, я принесла ему в больницу газеты и рассказала, что на темы, которые он своим творчеством поднимал, теперь говорят открыто. «Ты знаешь, мне надо подумать о том, с чем мне

сейчас выходить на сцену, о чем говорить с людьми, если все уже написано в газетах», — сказал папа. «О том, что вечно, о человеке», — убеждала я. Он еще надеялся выступать. Когда папу перевели в реанимацию, к нему никого не пустили. Костя спросил у персонала: «Может, отец что-то хочет нам передать?» — «Он вам передает, чтобы вы берегли здоровье», — ответили врачи. Я брату напоминаю это время от времени.

Собеседник. 2002. № 45

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Райкин Аркадий Исаакович (1911—1987) — актер, артист эстрады. Родился в Риге. В 1935 г. окончил Ленинградский институт сценических искусств; работал в ленинградских драматических театрах, выступал как конферансье в московском театре «Эрмитаж»; с 1939 г. артист, а с 1942 г. художественный руководитель Ленинградского театра миниатюр (с 1982 г. Государственный театр миниатюр в Москве, с 1987 г. театр «Сатирикон» им. А. И. Райкина), выступал на фронте. Мастер мгновенного перевоплощения, часто использовал приемы эксцентрики и буффонады, исполнитель монологов, фельетонов, скетчей, пантомимы, создал галерею остросатирических и лирических портретов. Спектакли «На чашку чая» (1940), «Своими словами» (1945), «Вокруг света в 80 дней» (1951), «Смеяться, право, не грешно» (1953), «Времена года» (1956), «Белые ночи» (1957), «Любовь и три апельсина» (1959), «От двух до пятидесяти» (1961), «Волшебники живут рядом» (1964), «Светофор» (1967), «Избранное-73» (1973), «Его величество театр» (1981), «Мир дому твоему» (1985) и др., в каждом из которых играл десятки ролей. Многие слова и выражения из райкинских спектаклей стали крылатыми. Снимался в кино: «Доктор Калюжный» (1939), «Валерий Чкалов» (1941), «Концерт фронту» (1942), «Мы с вами где-то встречались» (1954), «Аркадий Райкин» (1967), «Волшебная сила искусства» (1971), «Люди и манекены» (1974) и др. Автор книги «Воспоминания» (1993, посмертно). — *Ред.*

² Иоффе-Райкина Руфь Марковна (псевдоним — Руфь Рома) (1915—1989) — актриса и литератор. — *Ред.*

³ «Даугава» — литературно-художественный и публицистический журнал на русском языке, основанный Союзом писателей Латвии в 1977 г. Выходит один раз в два месяца. — *Ред.*

⁴ Язык матери (*идиши*).

⁵ Ныне ул. Марияс и Стабу. — *Ред.*